

Королевство
Межджитов Вагум

16+

Вадим Меджитов

Королевство

«Автор»

2017

Меджитов В.

Королевство / В. Меджитов — «Автор», 2017

Жизнь для юной Эвелинн складывается крайне удачно. Ведь она никто иная, как принцесса королевства Варран, одного из самых преуспевающих и зажиточных государств в этом мире. Так бы тихо, спокойно и совершенно незаметно она и провела бы всю свою сознательную жизнь, если бы не громкое событие, от мысли о котором у многих девушек захватывает дух. Замужество. А если сама любовь бывает только в сказках, если весь мир так системен и логичен по своей сути, то остается лишь положиться на судьбу и встретить опасность лицом к лицу, как и подобает настоящей гордой принцессе. Верно?

© Меджитов В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Часть 1

Если уж совсем честно, то я не в сильном восторге от любых гендерных столкновений. Или как они там называются... я не психолог.

В общем...

Если кто-то начинает говорить, что родиться мужчиной лучше, а другой возражает, что у женщин гораздо больше преимуществ, если *внимательно присмотреться*... короче, разгорается та еще ссора. Один выхватывает аргументы из здравого смысла, поражая своего противника ледяными копьями рассудка, а другой бросается в контратаку с примерами из жизни, поливая все вокруг жарким огнем эмоций. Типичная битва льда и пламени, стороннему наблюдателю остается лишь запастись попкорном и быстро-быстро делать заметки в блокноте – из них потом может получиться отличная книга. Или все семь, если растянуть концовку до безобразия.

Важно то, что оба они будут абсолютно неправы. В итоге.

Ведь миром правят не мужчины и не женщины. Мир определяет не здравый смысл и не эмоции. Все это лишь совокупность факторов, которые ведут к одному образному целому. Тому, что все обычно ненавидят, презирают, но с чем сталкиваются на любом этапе своего жизненного пути.

Система.

1

Свое детство и первые годы взросления я провела в королевстве Варран. Там же я родилась, там же правили мои коронованные родители, там же я получила свое первое имя.

Родители решили назвать меня Эвелинн, что в переводе с одного из языков древности означало «воронье крыло» и что, как многим казалось, отражало мою сущность, а также удачно сочеталось с цветом моих длинных вьющихся волос. Насчет сущности я до сих пор не понимаю, что имелось в виду – вряд ли сравнение с вороной является пределом мечтаний любой нормальной девушки.

А через некоторое время мне и вовсе начало казаться, что родители решили особо не церемониться с выбором имени, потому что я была самым младшим ребенком в нашей огромной семье, да и еще и девочкой. Уверенность в этом лишь окрепла, когда я обнаружила в личной библиотеке матери, что находилась в ее опочивальне, книгу, повествующую о приключениях темной волшебницы по имени Эвелинн. Это была сказка с хорошей и доброй концовкой, но автору, видимо, наскучило писать однотипные книги для детей, поэтому он исхитрился и вставил свою мораль, которая красной нитью проходила между строк, – дескать, в минуты кризиса добро всегда побеждает зло, но во времена спокойные зло учится подменять понятия и нещадно эксплуатировать добро.

Мне эта книга очень нравилась – она была, самой что ни на есть, системной. И жизненной. А также никто из моих знакомых так и не заметил плохо скрытую сатиру автора, что почему-то доставляло мне особое извращенное удовольствие. Именно поэтому я смирилась с поспешным выбором своих родителей, которые руководствовались бульварной книжкой (автор, чтобы прокормиться, написал множество подобных книг) и цветом моих волос. Если бы я была на самом деле злой волшебницей, то с вершины своего могущества я бы отнеслась к ним довольно снисходительно. Превратила бы в лягушек, к примеру.

Насчет имени я довольно быстро перестала беспокоиться – начиная с того момента, как мне исполнилось восемь лет. Именно тогда родители официально (официальность заключалась в том, что я ужинала с родителями одна, а не в присутствии братьев и сестер) сообщили мне, что мое основное предназначение в этой жизни – это выйти замуж. Сказав это, они почтительно

замолчали, так что атмосфера вокруг напомнила мне о похоронах моей отдаленной родственницы. Тогда я также не понимала, что я здесь делаю, кто все эти люди и почему все вокруг так заунывно. Но через некоторое время пошел дождь, все вострепнулись и потянулись к раскинутым неподалеку шатрам. Под ними было сухо, тепло, а в воздухе раздавался приятный запах свежеприготовленной еды. По тому, как все набросились на различные яства, как начали наполнять свои кубки пенистым пивом, как обсуждали со скорбным видом веселые случаи из жизни, я поняла, что не одна чувствовала себя не в своей тарелке. Увидев нечто привычное и радужное взору, как недавно приготовленная и очень вкусная еда, все разом взбодрились, и жизнь снова окрасилась в яркие и понятные оттенки.

И это было системно.

В тот момент, когда родители, казалось, понимающе и благосклонно смотрели на меня, я опять начала чувствовать неприятную слабость, некую отрешенность, как бывает тогда, когда оказываешься не в своей тарелке. Самое неприятное, что родители чувствовали ровно то же самое, и я, подняв глаза кверху, вздохнула – дождь сегодня явно не собирался.

Родители расценили этот жест как закатывание глаз, свойственное девушкам из просто-народья, но в последнее время прочно входящее в арсенал манипулятивной мимики у придворных дам, что заставило их нервничать еще больше. Дело в том, что отец, как и многие короли, уделял свои воспитательные часы в основном мальчикам, что напрямую вытекало из традиций и патриархального уклада воспитания королевской молодежи. Девочки оставались на попечении у матери, учителей и друзей, а так как мать очень часто уделяла свое внимание экономическим вопросам в разрезе развития государства, то девочки были вольны делать, что их душенькам захочется. Главное было не нарушать двух основных правил – не поднимать восстание и не выходить замуж за простолюдина.

Именно поэтому родители и нервничали – буквально с детства я вела себя не так, как другие девочки моего возраста. Я была несистемной в их глазах, что приводило к постоянным косым взглядам в мою сторону и непониманию, почему при столь большой свободе я как будто ограничивала свои варианты времяпровождения. Это было крайне нелогично и немного пугало – постепенно взрослея и постигнув основы обучения (умение писать и считать), многие девочки королевского рода проводили свое время, развлекаясь в городах или посещая королевские семьи союзных стран. Они буквально не могли вынести и дня, сидя дома, их тянуло к новым встречам, ощущениям и страстям.

Родители потворствовали их вольной жизни, улыбаясь про себя и как будто говоря: «Эх, это же молодость... надо нагуляться, чтобы потом осесть... стать серьезным... но сначала надо вкусить саму жизнь». Мне это слегка напоминало веселые пиры у мужчин, которые они устраивали перед тем, как идти в бой. Но там было все понятно – ты веселишься один-два дня, чтобы заглушить страх, чтобы влиться в эту систему воинственного бесстрашия, без которой воинской дух любой армии начнет стремительно падать. И хоть сами войны казались мне крайне бессмысленным времяпровождением, которое сочетало в себе одновременно потерю ценных людских ресурсов и инвестирование капитала в бесполезные по своей сути военные разработки, но пиры приравнялись к традициям. А традиции я любила, особенно те, в течение которых можно вкусно поесть.

Но традиция нагуляться перед замужеством? Традиция ли это вообще? Реально ли она помогала заглушить страх перед тем, что всю оставшуюся жизнь, начиная с шестнадцати лет, придется провести под одной крышей с нелюбимым тебе человеком? Ведь когда ты ведешь разгульную жизнь, то твое сознание признает лишь страсть, а те мужчины, за которых выдавали замуж благородных девиц, были куда старше этих самых девиц. А если твое сознание ограничено, то как ты можешь принять более опытного, более умного человека? Ведь все непонятное чаще всего отвергается, возводится в ранг нелюбимого.

Как оказалось потом, я полностью и бесповоротно ошибалась. Удар был довольно сильным, но он был настолько системным, что мне приходилось лишь грустно улыбаться глубоко внутри себя. И это был еще один пример, почему все так не любят системы – когда ты думаешь, что обдумал практически все варианты, выбрал свой идеальный путь, когда ты мнишь себя выше остальных людей... именно в этот момент тебе приходит горькое разочарование, и ты понимаешь, что в своих мыслях ты зашел слишком далеко, что тебя давно было пора поставить на место. Потому что предела совершенству нет и потому что система похожа на обоюдоострый меч без гарды – сражаться с помощью нее решительно невозможно.

Но, к счастью, все эти высокомерные мысли о том, что таким разгульным поведением девушки лишь загоняют себя в отчаянное положение, начали появляться лишь потом, ближе к шестнадцати годам. И жизнь очень быстро поставила меня на мое законное место. Ведь кто я такая, чтобы судить других людей?

Но до шестнадцати лет, до той странной поры, когда меня отправляли свататься в удаленные королевства, я заботилась лишь об одном – чтобы получать от жизни удовольствие. Проблема, которую видели во мне окружающие, заключалась в том, что мои способы получения удовольствия явно отличались от общепринятых.

Лежать целый день в кровати в обнимку с прекрасно написанной книгой? Легко. Закупаться в разных частях города, чтобы потом с поварихой приготовить нечто особенное, что не входит в повседневное меню? Запросто. Возиться с иголкой и ниткой, пытаюсь сшить радужный гобелен? Полагаю, вы поняли.

Лишь потом я поняла, почему все так странно на меня смотрели. Дело в том, что все эти занятия никак не могли мне помочь успешно царствовать, по крайней мере, в первые годы. С людьми я сходилась трудно, торговаться не любила и не умела, в выпивке ничего веселого не находила, а от большого скопления народа и криков у меня начинала кружиться голова – особенно когда нужно было стоять в этой толпе в тяжелом платье и на каблуках, изображая участливое выражение лица. Нет, платья я любила, но неорганизованные, бесцельные мероприятия наводили на меня крайнюю тоску.

Помню, тогда, сидя за трапезным столом, я, стараясь выглядеть спокойной и уравновешенной, положила себе на тарелку немного мясных рёбрышек, зачерпнула из ближайшей кастрюли картофельного пюре, а затем спокойно посмотрела на своих родителей и спросила, налагает ли на меня это объявление какие-то обязательства до наступления совершеннолетнего возраста. Сказано это было немного официально, но я не собиралась снижать градуса. В мою чашку я при общем молчании налила компота из молодых яблок, не пролив при этом ни капли. С победоносным видом я снова посмотрела на родителей, они слегка замаялись, но отец уже вовсю стрелял глазами в мою тарелку. Я знала, что он пробыл в дороге весь день, был ужасно голоден, и заметила, как он начал умоляюще взирать на свою жену. Та вздохнула, встала, положила мужу еду на тарелку, а затем, обернувшись ко мне, мягко улыбнулась.

И ответила, что до шестнадцати лет ничего не меняется, что я могу заниматься, чем я захочу. Отец, усердно работая ложкой, многозначительно кивнул. Атмосфера в зале слегка разрядилась.

Я также принялась за еду, мимоходом задавая краткие вопросы о моем предполагаемом замужестве. Ответы, к моему крайнему удивлению, меня удовлетворили, даже очень – в них проскальзывала логика. Как оказалось, жениха невесте ищут лишь после достижения ей пятнадцати лет, причем мне в данном случае не надо было предпринимать никаких усилий. Раньше искать никого не будут, потому что политическая карта мира постоянно перекраивается из-за постоянных войн, а мужская жизнь по той же причине не имеет определенной продолжительности, особенно если рассматривать королевских отпрысков, которых всегда поджидают государственные перевороты, войны, семейные дразги и прочие радости жизни.

Далее невеста отправляется в так называемое свадебное путешествие, чтобы посетить дом своего избранника. А затем... тут родители быстро переглянулись, потом мать пожала плечами и сказала, что если все будет хорошо, то будет совершен выгодный династический брак, а дальше уже по ситуации...

Тут я на секунду застыла. Если «по ситуации» было еще относительно понятно¹, то вот невзначай брошенная фраза «если все будет хорошо...». Но родители почему-то раздраженно замолчали мой вполне справедливый вопрос, сославшись на то, что я еще слишком мала и что потом мне самой все будет ясно.

И тогда я ощутила неприятный укол в районе сердца. Как будто меня ущипнули и сразу же отпустили. Такое неприятное щемящее чувство у меня появлялось всегда, когда мне говорили нечто несистемное, но я еще не могла понять, почему оно является таковым.

И как оказалось впоследствии, это чувство возникло у меня неспроста. Но это я осознала лишь спустя восемь беззаботных и беспечных лет.

2

Зрелости я достигла буквально одним скачком, для себя совершенно незаметно.

Отец в то время был крайне занят – надвигалась очередная война, необходимо было усиливать границы, договариваться с союзниками, поднимать налоги... в общем, дел было и правда невпроворот. Меня в данном случае успокаивало лишь то, что на мне не лежала ответственность по укреплению союзнических отношений с другими странами в качестве невесты на выданье.

К счастью, те времена, когда принцессы, участвующие в процессе династического обмена, играли немаловажную роль, прошли. Еще буквально полвека назад, если принцу более сильной в военном и экономическом смыслах страны, не нравилась его будущая спутница жизни, он мог легко лоббировать разрыв союзнических отношений и отмену всех обещаний о помощи в грядущих войнах. Мне почему-то казалось, что такие решения, а они были вовсе немаловажными, принимались загодя, а из бедных девушек делали коз отпущения. Довольно жестоко, если учесть, что на девушку вешалась столько сильная психологическая вина, что, дескать, ее обаяния и женственности не хватило, и теперь из-за нее существование целой нации было подставлено под угрозу. Думаю, существенная часть статистической выборки касательно самоубийств женщин того времени происходила как раз из-за этого – искусственно навязанное чувство вины. А куда идет знать – за тем тянутся и простолюдины, это обычная система, выражающаяся в эффекте домино. Но опять же, к счастью, сейчас такого происходит гораздо меньше – разум восторжествовал над политическим беспорядком, и теперь все решения касательно военных, политических и экономических союзов обсуждаются за круглым столом, а династические браки остались в качестве милой рудиментарной традиции. Возможно, еще через пару сотню лет человечество дойдет до того, что девушки из королевской семьи будут выходить замуж за представителей обеспеченной аристократии внутри страны, из которой они родом, а уж затем возможно даже... о ужас!.. за простолюдинов. Но о последнем даже подумать страшно.

Честно говоря, из-за сложившейся ситуации вокруг королевского бракосочетания, когда надо мной уже не висел столь большой груз ответственности, я слегка ленилась. Родители не осмеливались говорить со мной на столь щекотливую тему, но иногда² бросали на меня столь укоризненные взгляды, словно хотели разбудить во мне нечто эфемерное и фантастиче-

---

¹ Точнее, не понятно, но понятно, что ни черта не понятно. Людям приятно, даже когда понятно, что ничего не понятно. Это вносит свою определенность в жизнь.

² Это «иногда» возникало довольно часто, потому что большую часть своего свободного времени я проводила дома, в замке.

ское вроде совести. Но совестливостью я, к счастью, не была заражена, а подвисший в воздухе вопрос, повторюсь, был столь щекотливый и двусмысленный, что я могла легко обернуть его против их самих же, если бы захотела.

Возможно, родители пытались воздействовать на меня через моих сестер³, но ни одна из них не была близка со мной, держались со мной прохладно.

Если говорить кратко, то дело было в любовных отношениях. Точнее... что следовало в начале этих любовных отношений. Ну, я имею в виду флирт, всякие там ужимки, взгляды из-под ресниц и прочая дребедень. И это... которое то. То самое. Вы поняли.

Я, в принципе, в глубине души это очень поддерживала, просто у меня не было желания этим заниматься. Но поддержка моя была небезосновательна – если просмотреть страницы далекой истории, то сначала молодые люди пытались поступать честно, по крайней мере, насколько могли.

Ценились такие качества, как чистота, целомудрие, добропорядочность и благочестие. Сейчас значения этих слов затеряны для многих людей в недрах словарей, но раньше все любили играть в пресловутое рыцарство.

Логика была проста – если девушка королевского рода могла выйти замуж только за представителя того же королевского рода, но другой страны, то любовных отношений до непосредственно самого бракосочетания у нее и быть не могло. Был, конечно, вариант разгульной жизни с простолюдинами, но это жестко предавалось анафеме по причине того, что девушка после таких связей была «энергетически испорчена». Почему так считали, осталось загадкой – возможно, это было косвенное влияние религиозных течений, которые набирали силу, или это была простая политическая предосторожность, чтобы милая девочка в пылу страсти не подняла восстание. Вряд ли, конечно, но мало ли что. Любовь и не такое может.

Как бы то ни было, но с недавних пор на эти запреты не только перестали обращать внимание, но стали и всячески поддерживать то, за что раньше могли возвести на костер⁴. Причина была довольно странной, и трактовалась она каждым по-разному, но я считаю, что это было нужно для более быстрого снятия психологического барьера при встрече двух не совсем... опытных людей. Касательно опыта проблема была решена очень быстро и эффективно, ведь теперь юным и милым принцессам совершенно не возбранялось совершать променады под бледным светом луны с представителем не столь знатного рода. В основном к принцессам липли молодые люди с жилкой карьериста, ведь некоторые дамы сорили деньгами, что пылью. Реже с принцессой прогуливался молодой поэт, вдохновляющийся ее неземной красотой и царственной аурой на новые литературные свершения, а совсем редко крайне влюбчивые юноши, которые старались отдать девушке самую дорогую, но в то же время и самую бесполезную вещь на свете – свое сердце. Последние обычно очень сильно разочаровывались, потому что принцессы никогда и ни под каким предлогом не вышли бы замуж за простолюдина. Дело было не в меркантильности, не в холодном расчете, просто зачем обижать родителей, которые хотели тебе самого лучшего? Да и есть нормально также хотелось. И спать не в шалаше с подстилкой из клопов. И слушать нормальную литературную речь, а не выкрики рабочих в шесть утра. В общем, вы поняли. Приятно было поваляться в грязи, зная, что впереди тебя ожидает приятная и теплая ванная.

Обладея столь невозбранной свободой, принцессы меняли своих любовников как перчатки. И уже потом, встречаясь со своим избранником, знали, что к чему и не строили ложных иллюзий, что все будет мило и сказочно. Доказательством тому было, к примеру, то, что девушки брали с собой прочные и крайне дорогие кусочки белой материи, которую в просто-

---

³ Братья почему-то постоянно избегали меня, а обсуждение этого вопроса со мной заставил бы их биться в страхе под кроватью как минимум месяц.

⁴ Такие случаи реально были, но не в законодательном плане – просто правитель был малость сумасшедшим, свою дочку он хотел сжечь еще после того, как она не доела свой ужин. Просто потом нашлась причина повесомее, вот и все.

народье называли ватой. Нет, а вдруг ваш избранник сильно храпит? А на следующую ночь можно без зазрения совести спросить, есть ли рядом свободная комната, переехать туда и жить себе припеваючи. Семейная жизнь, если ты принцесса, была примерно такой же, что и у простолюдинов, просто куда богаче и интереснее.

Поэтому, если сравнивать со всеми, то я действительно изрядно ленилась, выходя из дома порой, чтобы поучиться гончарному мастерству на окраине города, чтобы выпить чашечку чая со знакомой учительницей истории, чтобы посетить ярмарку, куда съезжались кондитеры со всего королевства... в общем, я и правда вела довольно беспечную жизнь и в то время даже имела наглость говорить себе, что пусть само все образуется, пусть все решится за меня! Дескать, что тут сложного, все уже давно определено, поэтому остается лишь ждать и надеяться, что будущий муж может выговорить слово «противоестественный» без ошибки. Или что он хоть как-то знаком с запятыми.

Поэтому в этом деле я целиком и полностью отдалась на волю судьбе.

И ошиблась, хоть я и не старалась оказаться в итоге правой. Ошибка состояла в том, что я не учла еще одно правило системы.

Даже если ты сперва не видишь, даже если ты думаешь, что все просчитал, даже если тебе все равно, у жизни найдется, чем тебя задеть. Ибо один важнейших элементов системы – это цена. За все приходится платить, просто те мастера, которые профессионально лавируют сквозь жизненные потоки, не обращают внимания на цену, ибо они не надеются, не рассчитывают, не ждут, а просто действуют так, как считают правильным.

И в итоге это «так» и оказывается правильным, ибо они так считают.

3

Первое мое свадебное путешествие состоялось через полгода после наступления моего совершеннолетия. Королевство Лавандия располагалось буквально в паре дней пути верхом от нашего королевства, и я вздохнула с облегчением – мой домашний образ жизни не подготовил меня к дальним переездам.

Мне выделили пару стражников из личной охраны дворца, чьи родственники жили в Лавандии, личную помощницу, чье имя я забыла практически сразу, как она представилась, и мальчика-поваренка на всякий случай, если придется ночевать под открытым небом. Конечно, выбранный маршрут не предполагал столь экстремальной ночевки, но поговаривали, что на дорогах водятся разбойники, которые обирали бедных (и не очень) путников, как липку. Вряд ли это можно было считать правдой, ведь королевские дороги между большими городами тщательно охранялись с помощью охранных постов, а их географическое расположение было выбрано таким образом, чтобы исключить возможность засад и подготовленных ловушек. Правда, то же самое нельзя было сказать о прочих тропинках, которыми пользовались в основном бедняки-простолюдины, составлявшие восемьдесят процентов населения всех королевств, но... каждому свое, ведь так?

Мальчишка пытался разговорить меня по пути, но я не обращала на него внимания – детей я не очень любила, почему-то от них я быстро уставала и чувствовала себя неловко. Думаю, это из-за того, что они были крайне несистемными созданиями, манипуляция ими происходила через сильные правдивые эмоции, а я не любила врать в эмоциональном плане и подстраиваться под других людей. Любви к маленьким верещащим созданиям у меня тоже ни капли не возникало, лишь желание сбежать подальше, отдышаться и окунуться с головой в интересную книжку. Мне говорили, правда, что со своими детьми такого не будет, что когда родится своя кровиночка, то... я старалась не думать об этом – столь сильной была тошнота, подступавшая к горлу, когда эта мысль начинала оседать в голове. Почему так происходило,

я также старалась не анализировать, понимая, что это попросту бесполезно. Будь, как будет, решила я.

Но я не ненавидела детей, вовсе нет. По крайней мере я старалась так думать. Мальчишку-поваренка, к примеру, меня попросили пристроить на кухне в Лавандии – это королевство славилось своими кулинарными изысками. И я собиралась это обещание сдержать, прежде всего из-за моих симпатий к Люси, королевской поварихе у меня дома. Она хорошо относилась ко мне с детства, учила меня вкусно готовить, хотя никто ее этого не просил... в общем, я была ей признательна хотя бы за хорошее отношение. И если она хотела пристроить этого мальчика, то почему нет? Мне было не сложно, да и просьба была логичной – выучившись, парень будет нарасхват во многих королевствах. Хорошие повара ценились ровно столько же, сколь и хорошие воины, иногда даже больше. Кто же не любит вкусно поесть?

Путешествие прошло довольно гладко, без происшествий. Для моих спутников оно, возможно, показалось довольно скучным и унылым из-за моей отрешенности и немногословия, но они могли беседовать друг с другом, а мою замкнутость они всегда могли списать на нервы перед будущей свадьбой. В принципе, мне было все равно, что они думали про меня.

В замок моего жениха мы попали под вечер. Я заметила краем глаза, как мои стражники и мальчик с облегчением слезают со своих коней, отряхивают нагрудники от пыли, разминают отекавшие от долгой поездки конечности. Потом они виновато посмотрели на меня, передали поводья подошедшему конюшему.

Я старалась вести себя достойно. Спустившись, я оправила свои дорожные одежды, взмахом руки и коротким наставлением отпустила своих вояк, которым явно не терпелось смыться в сторону ближайшего трактира, а сама направилась за подбежавшим ко мне слугой, который должен был препроводить меня в мои временные покои – в них я буду спать, пока не произойдет обряд бракосочетания. После него я, согласно обычаям, переселюсь в опочивальню мужа.

За мной, сторбившись от тяжести сумок, которые они сняли с лошадей, направились моя помощница и мальчик. На самом деле я взяла с собой не так много вещей – часть моего гардероба на первое время, немного личных вещей и небольшие, но довольно дорогие изысканные подарки для моего будущего мужа. Последнее было необходимо согласно этикету.

Мой следующий гардероб я должна была составить вместе с моим мужем, если, конечно, он захочет этим заниматься. Все равно одеваться в придворные одежды своего королевства после замужества было неприлично – кому нравится видеть рядом с собой белую ворону, которая упорно держится традиций своего королевства?

Меня препроводили в гостевую королевскую комнату. Я поблагодарила слугу, отпустила мальчика, попросив того зайти через пару дней ко мне, а сама вместе со своей помощницей принялась раскладывать вещи из сумок. Через некоторое время помощница ушла узнавать, где в замке располагается ванная комната для королевских особ, а также столовая, где можно перекусить после долгой дороги – я не хотела следовать этикету в данном случае и просить место у королевского обеденного стола. Честно говоря, мне просто хотелось умыться, перекусить, почтитать перед сном и оставить все оставшиеся проблемы на завтрашнее утро.

Я была признательна моей помощнице – у меня не было никакого желания после долгой дороги бродить по замку и царственным голосом журить каждого встречного, почему никто подобающим образом не встречает приехавшую принцессу. Через некоторое время я освоюсь в замке (придется, это же мой дом на всю оставшуюся жизнь!) и отпущу мою помощницу, если она захочет уехать обратно домой. А захочет – ведь дома ее ждала семья, и я не собиралась отрывать ее от родных надолго. Потом муж приставит ко мне новую помощницу, и она... я почувствовала, что зеваю. Долгая дорога сделала свое дело, я чувствовала приятную усталость, разливавшуюся по всему телу. Чтобы не уснуть, я присела на скамейку и стала смотреть в окно, наблюдая, как листья на деревьях слегка трепещут под порывами ветра...

Помощница деликатно растолкала меня, ее горячий взор явственно говорил о том, что она нашла не менее горячую ванну. Я провела ладонью по лицу, снимая паутину усталости, и заставила препроводить себя в живительную и теплую воду.

Вдоволь накупавшись, я вернулась в свою опочивальню, где моя помощница заботливо разложила скромное, но крайне вкусное угощение. Я слегка подкрепилась, как раз настолько, чтобы утолить голод, но чтобы не мучали кошмары после тяжелой пищи...

Я даже не заметила, как уснула.

4

На следующее утро я встала с отвратительным чувством неустроенности и неопределенности. Если бы я сейчас спала в трактире, постоялом дворе или в какой-нибудь из этих новых гостиниц, которые в последнее время начали появляться в крупных городах, то я бы спустилась вниз, в общую столовую, попросила бы горячий завтрак, а сама в ожидании стала бы лениво размышлять, чем занять себя сегодня.

Но я была в чужом замке, который вскоре должна буду называть своим домом. И от этой мысли сразу становилось как-то не по себе.

Помощницы не было видно – она, наверное, еще спала в комнате для прислуги. Или вообще забыла про свою принцессу, благо уже практически бывшую.

Я встала с кровати, потянулась и огляделась в поисках зеркала. Оно оказалось рядом, на стене, противоположной от окна. С какой-то стороны могло показаться, что это и есть окно – деревья в отражении также покачивались от порывов ветра.

Я поежилась. Пол был холодный и не застеленный коврами.

Присев на низенькую табуретку, я взглядела в свое отражение в зеркале. Вроде нормально. Я никогда не смела считать себя некрасивой, веря в то, что любые самобичевания приведут к неминуемому разрушению психики, но и неотразимой себя назвать также не могла. Мужчины никогда не оборачивались мне вслед, а это, по идее, является критерием неземной красоты у многих женщин, но я, если честно, не особо замечала, чтобы мужчины вообще кому-то оборачивались вслед. По-моему, у них и своих забот было много, со всеми этими войнами и государственными переворотами, что любовные отношения отходили на второй план. Или вообще не третий. Действительно, любовь можно было считать несколько переоцененной вещью и, если бы не активная пропаганда со стороны общественности, то давно можно было освободить место в голове для более полезных вещей. Конечно, если люди находятся рядом друг с другом, они сыты и вполне образованы, и в этот самый момент они говорят о любви, то это вполне нормально. Ненормально, по моему мнению, было думать о любви постоянно, без оглядки. Ведь если совсем не оглядываться, то теряешь концентрацию на жизни. И тут-то тебе и прилетает кинжал в спину, как доказательство. Это было системно, хотя немногим людям понравится такая логика. Особенно поэтам.

Я достала из глубин походной сумки свой гребень из кости какого-то не совсем удачливого животного⁵. Волосы из-за путешествия к замку немного спутались, и всю следующую половину часа я старательно их расчесывала. Никто за это время не пришел, не поинтересовался, как тут мне, не вызвался сопроводить меня в экскурсии по замку. Из-за подобного отношения и неизвестности, что делать дальше, я сосредоточилась на приведении себя в порядок. Закончив с волосами, я достала маленькую косметичку и нанесла пару финальных штрихов. Особо стараться я не стала, потому что меня до сих пор слегка возмущало то пренебрежение... хотя нет, это слово уже смахивает на мини-истеричку, поэтому я быстро одернула себя... ту *забывчивость*, что проявили в отношении моей скромной персоны.

---

⁵ Никогда не интересовалась, из какого, чтобы при встрече с ним не начинать стыдливо прятать глаза.

Что ж, тогда я также не считаю себя обязанной вести себя в соответствии с королевским этикетом. По правилам будущий муж должен был встретить меня на подходе к замку, помочь мне слезть с лошади и за руку провести до моей временной опочивальни, которая должна быть не в меру богаче того каменного ящика, куда меня заселили. На следующий день рано утром я должна была, как штык, стоять рядом с ним, улыбаться, вся такая красивая и в шуршащем платье с множеством рюшечек, которое, конечно же, должен был подарить мне мой жених.

Я вздохнула и слегка улыбнулась. Вот она, неблагодарность человеческой природы во всей красе. Только я с ужасом думала, как мне придется после долгой дороги ходить по огромным скучным залам, где холод буквально проникает сквозь кости, улыбаться, словно идиотке, приветливо и добродушно встречать людей, которых я вижу первый раз в жизни... как я посплю всего пару часов, а утром, в то время, когда солнце еще не встало, а птицы еще спали у себя в гнездах, я бы с трудом втиснула свое ноющее протестующее тело в тесное платье, которое мне было явно не к лицу и не по текущей моде, потому что его носила его мама, а до этого его бабушка, а еще до этого... ух...

Я мысленно перевела дух, взвесила все текущие обстоятельства и решила, что все не так уж и плохо. По крайней мере, начинается не так плохо, потому что ее будущий муж был явно не из тех людей, которые будут вставать посреди ночи ради какой-то приехавшей издалека принцессы. Даже ради будущей его жены. Какой в этом толк? Лучше уж поспать до полудня (тут я заметила, что солнце висело довольно высоко), а затем, благородно зевая, пойти завтракать. Благо к этому времени все энергичные люди уже встали и подготовили день для такого благородного человека, как он. Если мой будущий муж ненавидел всех энергичных людей так же, как и я, то наша корзинка общих интересов и взглядов начинает постепенно заполняться.

С этими мыслями я оделась в то, что обычно носили молодые мужчины-аристократы у меня дома. Такую одежду явно нельзя было назвать женственной, но она была практичной, удобной, сшита из крайне дорогих материалов и позволяла быстро и уверенно проходить мимо людей, пока они строили догадки, кто ты такая.

Еще раз оглядев себя в зеркале, я подошла к двери, которая отделяла определенную меня от страшных неопределенностей внешнего мира. И повернула ручку, выходя в просторный прохладный коридор.

5

Среди мрачных переходов и залов замка меня никто не окликал, когда я быстрым и уверенным шагом рассекала пространство. В принципе, я так и предполагала – похоже, что внутренняя охрана замка была сосредоточена преимущественно на важных объектах или людях. Что еще ожидать от маленького королевства?

Так я бесцельно бродила буквально 15 минут, пока меня не остановил маленький сухопарый человечек в серьезных очках и с надменным видом. Видимо, я все же зашла, куда не надо, на что я, в принципе, и рассчитывала.

– Госпожа, а вы куда, собственно, собрались? – он оценивающе посмотрел на меня из-за толстых стекол своих очков.

Я смерила его презрительно-уничтожающим взглядом. По крайней мере, постаралась.

– Я Эвелинн Вейн, пятая принцесса из королевства Варран, будущая супруга его величества принца Коррина.

Хорошо, что я в последний момент вспомнила имя моего нареченного, а то вышло бы как-то неудобно...

Мужчина не моргнул и глазом, хотя тон его голоса слегка изменился.

– Принцесса? Из Варрана? А почему, позвольте спросить, вы держите свой путь в королевскую сокровищницу?

– А где тут написано про сокровищницу? – просто спросила я. – Какой-нибудь указатель? Стража в золотых мундирах на подходе?

Мужчина сморщился, как будто я кольнула его в больное место.

– Вопросы бюджетирования... – он скривился. – В общем, давайте я вас проведу в кабинет принца, потому что, как я понимаю, вы еще не совсем освоились в нашем замке.

– За целый час без проводника я еще неплохо справляюсь, – саркастически отметила я, следуя за ним. – А куда делись все слуги? Почему в замке так малоллюдно?

– Спросите это у военного министра, миледи, – грустно ответил он. – Войны поглотили все вплоть до шелковых занавесок в гостевых комнатах. Ковры, драгоценный сервиз, хорошо обученные люди – все пошло на нужды войны.

Похоже, войны здесь были обыденной вещью, раз никто не скрывал основной статьи расходов государства. В Варране, по крайней мере, *притворялись*, что социальная политика еще интересна правителям.

– И как идет война? Успешно? – поинтересовалась я.

Он не ответил, но его характерно брезгливое пожимание плечами говорило само за себя.

Промолчав всю дорогу, мы наконец подошли к массивной деревянной двери с причудливой резьбой, которая должна была изображать солнце, если была бы сделана более искусно. Сбоку рисунок вообще походил на тарелку с макаронами. Не знаю, как у художника так получилось, но рисунок реально как будто переходил из измерения в измерение без всякого зазрения совести. Выглядело это несколько жутко.

Мужчина прокашлялся, отворил дверь и протянул руку в, как ему казалось, изящном жесте.

– Прошу, – сказал он, пропуская меня вперед.

Я шагнула вовнутрь, и на мгновение ослепла от яркого света, который струился сквозь высокие окна в дальнем конце комнаты. После полумрака коридоров я как будто вышла на улицу.

Окна были распахнуты настежь, и легкий ветерок мягко шевелил страницы книг, которые были разбросаны буквально по всей комнате. Сама комната была явно богаче всех остальных виденных мною залов, что сразу бросилось мне в глаза. Я как будто шагнула из дома простолюдина в дом нормального человека.

Потолок был высоким и расписан красочной мозаикой, изображающей яркое солнце, которое пронизывало своими лучами окружающую его тьму. В тех местах, где желтые лучи уже рассеяли мрак, проступали очертания злобных монстров, как будто сопротивляющихся наступлению рассвета. Дальше, где черные тона еще преобладали над светлыми, виднелись призраки, находившиеся в движении – они перемещались по кругу, словно стараясь найти в светиле слабое место, чтобы совершить мгновенную контратаку. Но некоторые призраки по краям мозаики уже уплывали прочь, понимая, что поражение неминуемо.

Я засмотрелась на роспись чуть дольше обыкновенного – настолько она была прекрасна. Судя по выцветшим краскам, изображение относилось к тому времени, когда Лавандия ставила перед собой хоть какие-то цели, имела хоть какие-то ценности, отличные от стяжательства и бесконечных войн. Изображенная аллюзия была одновременно проста и понятна, но в то же время несла в себе глубокий смысл, какие могут нести в себе только простые вещи.

Я так увлеклась и ушла в свои мысли, что не сразу услышала легкое покашливание неподалеку от себя. Поэтому покашливание стало чуть громче, как будто намекая на что-то.

Я очнулась от размышлений и только теперь заметила пожилого мужчину, сидевшего за массивным письменным столом из красного дерева. Он слегка улыбался, смотря на меня, а перед ним лежала раскрытая книга.

– А...я... извините, я вас не заметила сразу, – я смущенно улыбнулась.

– Ничего страшного, ничего страшного, – он бодро вскочил с места и сбросил наваленные на другой стул книги. – Прошу вас, садитесь. Извините уж за беспорядок, но я не ожидал, что сегодня у меня будут гости, особенно такие благородные. Садитесь, сейчас я поставлю чайник.

С этими словами он направился к маленькому столику, наполовину скрытому от взоров высокими шкафами, чьи стеллажи доходили практически до потолка. Там, он, видимо, разжег огонь на портативном нагревателе (недавнее изобретение) и поставил чайник. Лишь в последний момент я осознала, что он сделал все сам, без помощи слуг. Конечно, поставить чайник было несложно, дело не в этом, просто... так было не принято. Он чем-то неуловимо напоминал меня – я тоже не любила дожидаться кого-то и мелкими хлопотами распорядилась сама. Но если он не затворник, а экономика государства настолько просела и... он что, еще одежду сам себе стирает?!

Видимо, заметив мое выражение лица, он понимающе улыбнулся.

– Вы, наверное, думаете, почему представитель королевской семьи не прибегает к помощи слуг? Не хотите угадать? – и он посмотрел на меня с тем выражением лица, которое возникает лишь у старых людей, которые не смогли вытравить из себя ребенка.

– Мне кажется, что это рациональное действие, ведь ждать прислугу можно гораздо дольше, чем поставить чайник самому. С другой стороны... в некоторых королевствах к принцам и принцессам приставляют личную прислугу, которая всегда находится рядом. Поэтому ответ лежит где-то посередине. Так мне кажется.

Старик захолопал в ладоши, на его лице застыла игривая улыбка.

– Замечательно! Все так, как мне про вас рассказывали!

И он с чувством громадного удовлетворения водрузился обратно на свое кресло.

Рассказывают? Я еще раз взглянула на него, и мурашки мгновенно разбежались по всему телу. По спине пробежал неприятный холодок, а сердце забилося учащенно. Я слегка подалась вперед.

– Так вы... – от невысказанных слов у меня сперло дыхание.

Он, как настоящий актер, выдержал драматическую паузу.

– Именно! – с широкой улыбкой воскликнул он. – Третий принц в королевской семье, принц Коррин собственной персоной!

Через несколько секунд молчания, которое для меня длилось целую вечность, он вдруг сделался предельно серьезным и добавил:

– Ваш будущий муж, дорогая.

6

Я в хаотичном порядке начала взвешивать все обстоятельства, что вдруг обрушились на меня.

Во-первых, по всем правилам очень редко принцессу выдавали замуж за мужчину, разница в возрасте с которым была колоссальной, то есть больше десяти лет. Это было ненормально и в плане психологии, и в плане будущего потомства. Идеальным вариантом считались сверстники.

Во-вторых, кто-то ей точно говорил, что принц Коррин молод, горяч и довольно хорош собой⁶.

В-третьих, зная родителей, они точно не стали отдавать меня замуж за такого книжного червя. Они хотели бы, чтобы я избавилась от своих дурных привычек, перестала бы умничать,

---

⁶ Хотя последнее я могла спокойно додумать сама, уж очень жаркое было у меня воображение.

а также... хотя как раз из-за того, что я много умничала, они вполне могли меня наказать, с них станется.

И вот тут-то у меня и началась легкая паника.

Мужчина напротив спокойно любовался моей оцепеневшей персоной, а по его лицу блуждала гаденькая улыбка. Точно извращенец!

И тут раздался спасительный свист чайника, от которого мы оба слегка вздрогнули. Он побежал тушить огонь, а я все пыталась собраться с мыслями. Безуспешно.

На стол передо мной легла огромная чашка с крикливым детским рисунком. Такие обычно продавались на ярмарках, а главным их достоинством были относительная дешевизна и непомерная вместимость. Это еще раз подтверждало небывалую практичность стоявшего передо мной в этот момент и разливавшего чай человека. А также его абсолютное наплева-тельное отношение к обычаям королевской жизни.

Мои глаза сощурились, что всегда происходит, когда я начинаю кого-то подозревать в чем-то, что мне может не понравиться.

Принц этого не заметил, по его лицу все еще блуждало самодовольное выражение. Казалось, что он искренне наслаждается сложившейся ситуацией.

– Ну что, дорогая, вам с сахаром или без?

И тут меня осенило.

– Вы не принц, – резко сказала я, решив идти напролом.

Он на мгновение как будто оступился, но затем выражение его лица сделалось гладким и спокойным. Он аккуратно поставил чайник на стол между нами, положив под него какую-то ненужную бумажку. Потом он аккуратно отодвинул свою чашку в сторону, сложил руки на груди, сурово взглянул на меня и... громко рассмеялся.

Почему-то самым неприятным мне показался не сам смех, а то, как он вульгарно запрокинул голову. Смеялся он явно от души, но я была слегка уязвлена его показным поведением. Поэтому я степенно отпила чаю и, как мне казалось, крайне сурово посмотрела на него. Его это почему-то позабавило еще больше – посмотрев на меня, он почти сложился пополам от смеха, а одной рукой постучал по столу.

Это смотрелось крайне неприлично.

Утирая глаза от выступивших слез одной рукой, другую он поднял в извиняющемся жесте.

– Прошу прощения, но вы очень мило выглядите, когда сердитесь, – после этих слов он резко выдохнул, встряхнулся, подавил все еще рвущийся из его груди смешок и взглянул на меня со всей серьезностью, которую только смог собрать.

– Вы молодцы, – после некоторой паузы сказал он. – И крайне умны, хочу заметить. Одной меткой фразой разрушили всю игру. И хоть вы ошиблись, но мне кажется, что вы сделали это намеренно, я прав?

Я слегка кивнула. Не совсем намеренно, но, по крайней мере, я взвешивала у себя в голове всего два варианта. Сейчас он открыл, какой из них был верным.

– Да, я выразилась определенно и резко ради того, чтобы перестать ходить вокруг да около. Конечно, вы являетесь принцем, хоть и потерявшим последние остатки благородства. Но именно это... именно то, что вам все равно на приличия, которые соблюдают в светском обществе, именно то, как вы легко и без агрессии обходите правила, установленные людьми, стремящимися ограничить вас, сделать вас более понятным... все это выдает в вас особу королевской крови.

– А вы, однако, психолог, – отметил он, поднимая брови в знак восхищения.

– Скорее системный человек, – сказала я, но почувствовала, что слегка краснею. Не так много людей, которые понимали, о чем я говорю.

Я одернула себя.

– Но вы также вряд ли являетесь принцем Коррином. Почему – я не могу объяснить, но чувствую, что это так.

Он тяжело вздохнул, опрокинув свое тело на спинку объемного кресла. Одной рукой он подпер свой подбородок в задумчивом жесте, а другой взял свою кружку дымящегося чая.

– Было, конечно, весело, но затягивать тоже смысла не вижу, – он отпил из своей кружки. – Да, я не Коррин, хоть он является моим братом. Я принц Даст, первый и старший принц в текущем поколении. Прямой наследник престола, хоть и отрекшийся от него в виду отсутствия интереса к власти.

В моей голове мгновенно зароилось множество вопросов, но все их я отмела, не желая показаться несдержанной девчонкой. Поэтому я промолчала, ожидая продолжения.

И принц продолжил, хотя он явно этого не хотел.

– Вы можете спросить, а где мой брат? Почему он не встречается свою избранницу? Почему ее разыгрывает какой-то старый дурак? – при последних словах он усмехнулся, но в его глазах читалась боль. – Мой брат слышал, что вы отправились в путь, и по плану выехал из своего военного лагеря, чтобы вас встретить. Два дня вы добирались до нас, и два дня понадобилось ему, чтобы приехать домой. Идеальный расчет, но как оно часто бывает...

Меня охватило нехорошее предчувствие. Я открыла было рот, но тут он продолжил, качая головой.

– Принц Коррин погиб в пути, Эвелинн. Зверски убит неизвестной группой, которая как будто знала, когда и куда он поедет. Это произошло за десять часов до того, как вы приехали. Десять часов отделяли его от дома. Но он не приехал. И не смог вас встретить и пригласить в свой собственный дом.

7

Эмоции на миг захлестнули меня, но я быстро начала раскладывать их по полочкам.

Конечно, я не знала его, ни разу не видела, но почему-то было очень обидно, что моего будущего мужа зверски убили буквально на подступах к его, а если бы он приехал – к нашему дому.

Но меня больше задевало другое. Это было крайне эгоистичным чувством, но именно это возмущало меня больше всего в этой истории – то, что я была причастна к ней.

Ведь он почему-то запланировал свое путешествие домой одновременно с моим отъездом. Идеальный расчет, с одной стороны, но такие расчеты не предполагаются в любовных делах, когда ему нужно было приехать домой, отдохнуть, выспаться, подобрать наряд, накрыть стол... столько хлопот, а он вместо этого буквально в спешке решил уехать из военного лагеря. Из военного лагеря... военного...

Тут также ничего не сходится, ведь война также не предполагает спешки. Кому кажется обратное – просто находится в самом пекле событий. А все остальные военные, особенно командующий состав, просто *обожают* рассуждать. Поэтому мужчины и любят войны и не допускают туда женщин, потому что последних частенько бесит пустая болтовня. И они тоже по-своему неправы, ведь то, что сперва кажется пустой болтовней, на деле оказывается подготовкой, настроем перед решительными действиями.

Я очнулась от своих размышлений и посмотрела на своего собеседника, который, казалось, грустно уставился в пространство. Со стороны совершенно нельзя было заметить, что он притворяется, но он был прекрасным актером и вдобавок первым принцем. Чем ближе к политике – тем больше уклонений от правды во имя скрытых целей. Такая мысль никогда меня не подводила.

– Послушайте, – робко прошептала я, а он вздрогнул, словно я отвлекла его от мрачных дум. – Но ведь дороги между крупными городами хорошо охраняются...

Он кивнул.

– Это так, но мне доложили, что его разведчики обнаружили опасность на главной дороге впереди. Поэтому он решил проехать другим путем.

– А в чем заключалась эта опасность? – спросила я, широко раскрыв глаза.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Наверное, разбойники перевернули телеги и устроили импровизированную засаду.

Я зачарованно кивнула, как будто оцепенев от подобных новостей.

Но сама судорожно думала. Ну что за бред! С какой стати разбойникам разбивать лагерь посреди дороги, блокируя путь, если к ним в любой момент может выдвинуться... да, со стороны все сходится. Блокируем один путь, вынуждаем идти к следующему. Но принцы далеко не дураки, дураков обычно быстро убивают. Если разбойники решили расположиться прямо посреди дороги, то можно просто подождать, пока их не обнаружит патруль, затем к ним прыскачет элитная стража... если только принцу реально не нужно было очень быстро вернуться домой. Или то был момент, когда он не мог мыслить рационально... как же сложно думать за другого человека, не зная о нем ничего!

Мое лицо оставалось очаровательно безмозглым. В совершенности я данным стилем еще не овладела, но для многих мужчин его хватало, потому что они думали, что женщины ничего не понимают в войнах. К счастью, мне ничего и не надо было в них понимать, я просто применяла системную логику и к этому случаю. Но сидящий напротив меня человек не должен был понять, о чем я думаю, не должен был почувствовать во мне угрозу. Я была женщиной и пользовалась этим, ведь женщин не трогают. Не убивают.

А я очень хотела жить.

Он, видимо, принял мое задумчивое состояние за шок.

– Мне очень жаль, принцесса.

Я взяла в руки еще не остывший чай и потупила взор. Надеюсь, что выглядела я, как будто мне тоже жаль.

Мы помолчали несколько минут, а затем он сказал:

– Я немедленно пошлю депешу вашим родителям с этой новостью. Так как вы не замужем, то отвечают за вас они, а охранять вас должны мы. Пусть они решат, что делать дальше, а пока погостите у нас – война истощила практически все ресурсы нашего королевства, но, надеюсь, вы согласитесь побыть в моем скромном обществе еще немного.

Я медленно кивнула, соглашаясь.

– В вашем обществе? Я не буду вам мешать?

Его лицо снова сделалось веселым, как будто щелкнули невидимым переключателем.

– Это было просто предложение, моя дорогая. Если хотите, то можете посетить город, я выделю для прогулки пару стражников, но, – тут он окинул рукой окружающее нас пространство. – Я слышал, что вы любите читать, так ведь? Моя скромная библиотека полностью в вашем распоряжении, а если вы не против невинной болтовни, то с радостью составлю вам компанию, ведь мне давно не попадались люди с подобным размером...

Он озорливо окинул меня взглядом.

– Интеллекта, – окончил он.

Я почувствовала, что опять краснею. В этот момент он встал и галантно подал мне руку.

– Соизволите ли вы сопроводить меня в наш трапезный зал? Насколько я знаю, экономисты еще не уволили поваров, а в период рассвета государства именно наша кухня славилась своими произведениями кулинарного искусства.

Я приняла его руку и вспоминала про мальчика-поваренка, который сопровождал меня в путешествии. Наверное, он уже устроился стажером на кухню.

Мы вышли в прохладный коридор и спустились на второй этаж – в просторный и богато обставленный трапезный зал. Кроме нас там более никого не было, но принц отдал распоря-

жение подбежавшему слуге и буквально через несколько минут стол начал заполняться различными яствами.

Все последующие дни до получения ответной депеши от родителей я проводила либо в кабинете первого принца, общаясь с ним на различные темы, либо в саду одна, либо в трапезной, заказывая у поваров только то, что мне нравилось.

Так довольно быстро и интересно прошла неделя. Я забыла обо всех опасениях и целиком погрузилась в разговоры с первым принцем, который, казалось, искренне наслаждался моим обществом. Это мне льстило, но было и крайне полезно – принц был прирожденным экономистом и по моей просьбе посвятил меня в азы бухгалтерского королевского учета, аудита, составления бюджета, смет, аналитических отчетов, да так, что к концу своего импровизированного обучения я могла свободно читать на финансовом языке, хоть и поверхностно. Если времени было бы больше, то я бы с радостью училась бы дальше, благо принц был очень талантлив во всем, что касается объяснений, но на восьмой день моего пребывания в иностранном замке к нам в кабинет вбежал запыхавшийся гонец.

У него в руках была помятая официальная депеша, скрепленная красной печатью. Он приблизился, и я узнала на печати отпечаток перстня моего отца.

8

И так начались мои многочисленные странствия по союзным королевствам. Так как мой отец в основном придерживался нейтралитета на мировой арене военных событий, то союзных государств было много, если не все. Это не означало, что мы не принимали участия в войне, – вовсе наоборот – принимали, да еще самое активное.

Но это был невидимый фронт, участники которого оставались неизвестны до конца их жизни, а если кто-то из них и прославлялся, то смерть для них наступала раньше срока. Ибо то были шпионы, агенты, сотканные из теней и секретов. Точное их количество не знал никто, а их сеть славилась своей обширностью и скрытностью.

По крайней мере, так было на словах. На деле мне часто казалось, что текущая система постоянно барахлила, выходила из строя, а ее элементы частенько перетекали в другие сферы – туда, где больше платят или где безопаснее. Но всем так нравилось в это играть, что моей стране никогда не объявляли войны. Прежде всего это происходило потому, что для исполнения сего военного плана требовались значительные ресурсы, то есть военный союз хотя бы трех крупных королевств. Но из-за удобного географического расположения моему королевству было бы не так трудно выдержать месячную осаду, а в это время на королевства, объявившие нам войну, напали бы их собственные кровожадные соседи, пока основное войско находилось бы минимум в неделе пути от дома. Да, наше географическое положение подкреплялось тем, что окружали нас, в основном, мелкие государства, которые с какой-то стороны можно было бы назвать вассальными. Их экономика зависела от их единственного крупного покупателя (то есть нас), границы были открытыми, а пограничные пошлины сведены практически до нуля. При таких обстоятельствах в некоторых моментах своей политики им приходилось прислушиваться к своему крупному и великодушному соседу, что постепенно вылилось в тотальный контроль над этими государствами через шпионскую сеть и серию династических браков. На троне этих мелких стран уже давно восседали разнообразные родственники моего отца.

Но мне казалось, хоть я и не высказывала никогда эту мысль вслух, что эту идиллию можно было бы легко разрушить, если сосредоточить многочисленные и хорошо обученные военные силы в одном королевстве, а затем планомерно и системно произвести захват ближайших к себе стран. И расширяться, расширяться, насаждая в захваченных государствах недвусмысленную идеологию, которая одновременно подразумевала бы повиновение, но в то же время не стесняла бы жизнь резидентов, не побуждала бы их к мелким восстаниям. Такую

постоянно растущую махину было бы крайне тяжело удержать в административном плане, но мне казалось, что это было практически единственным выходом из текущей ситуации – тотальной раздробленности и постоянных мелких войн, из-за которых внутренняя политика и экономика государств оставались заброшенными. Войны – это все же очень дорогое удовольствие.

Когда я прощалась с принцем Дастом, то была слегка в смятении. Расставание наше происходило тепло, за проведенную неделю вместе мы сумели подружиться. Я, конечно, знала, что эта дружба распадется, как карточный домик, стоит мне отъехать на пару миль от его королевства, но все же это был мой первый хороший знакомый, с которым можно было легко и беззаботно вести беседу на практически любую тему. Но как бы ни были прочны наши новообретенные дружеские связи, я никак не могла добиться от него внятного ответа, почему мне необходимо уехать в другое королевство, а не обратно к себе домой. Может быть, он и правда не знал, но я понимала, что человек с таким незаурядным интеллектом может хотя бы *догадываться*. Но он лишь виновато разводил руками и лукаво смотрел на меня, припоминая мое выражение лица, когда я читала приложение к основному письму отца.

Приложение было написано на отдельной простой бумаге, и в нем крайне недвусмысленно выражалась просьба к принцу Дасту ни в коем случае не показывать содержание основного письма. Даже если она будет кричать и топтать ножкой, так было написано. И мы ее на самом деле плохо воспитали, наша вина, это тоже было написано. И надемся, что она не доставила много хлопот, вот прямо так, слово в слово. И еще много чего было, что я сознательно здесь опущу.

Принц рассказывал, что сначала мое лицо слегка зарделось, что было довольно мило, а затем сразу перешло в состояние раскаленно-красного. Возмущению моему не было предела, и принц, как будто издеваясь, действительно не дал мне в руки основное письмо, хоть и сказал потом, что ничего интересного там не было, просто краткая просьба сопроводить меня в другое королевство. А приложение к письму было сделано ради смеха, принц тогда еще сказал, что мой отец во времена своей молодости и не такие шутки проделывал с окружающими его людьми.

Весь следующий день прошел в хлопотах и сборах и лишь затем, на пути в другое королевство, я задумалась, насколько же легко меня одурачили. Наверное, основную роль тут сыграло обаяние принца и моя глупая расслабленность, ведь оказавшись в дороге, на свежем воздухе, я тут же поняла, что что-то тут не так.

Во-первых, что бы ни говорил принц, но мой отец, когда речь заходила о делах, становился крайне серьезным и немногословным. Он никогда не шутил, был постоянно сосредоточен. Без этих качеств он попросту не смог бы удержать в рабочем состоянии всю свою шпионскую сеть.

Во-вторых, кто-то доложил отцу, что мой жених умер. Прошла целая неделя с момента гибели, это правда... в общем, все было несколько подозрительно, но из-за нехватки фактов выводы все равно получались двоякими. Приложение к письму могло служить для моего отвлечения, но смысл основного письма, которое мне так и не удалось прочитать, можно было исказить и в свою пользу.

А какая польза от меня?

Я тяжело вздохнула. Оставалось верить, что женщины мужчинам нужны лишь для детей и утешения и что использовать их в политических играх будут лишь дураки. Потому что я ровным счетом ничегошеньки не знала о шпионской сети моего отца, о том, чем вообще он занимается. Что я вообще знала? Внутреннее расположение комнат замка? Имена некоторых слуг? Невесть какая полезная информация, однако. Использовать меня в заложниках? Исключено. Мой отец, как и любой здравомыслящий государь, тут же оденется во все черное и объявит месячный траур по всему королевству по своей любимой, но уже мертвой для него дочке. И это было правильно – что такое жизнь целого государства перед жизнью одного человека?

Оставалось надеяться, что принц Даст и мой отец действительно знали друг друга и что теперь-то я, наконец, выйду замуж. На самом деле мне уже не терпелось – я даже была готова подойти к обелиску с мужчиной в таком же возрасте и расцвете сил, как и принц Даст. Подумаешь, тридцать пять лет разницы. Ну и ладно. Главное, оставить уже это подвешенное состояние, перестать болтаться на мясницком крюке, как освежеванная дичь, которую забыли зажарить и подать к столу. Раз и готово. А потом можно будет заняться своими делами, когда муж уйдет на войну. А если случится что-то не совсем благоприятное, ведь мало ли что бывает на войнах, то черное мне было всегда к лицу. Печальное выражение лица? Да легко на самом деле.

Да, похоже, что к своему совершеннолетию я стала откровенной эгоисткой.

Но моим планам не суждено было сбыться – мясника, видимо, уволили, а ключ от кладовой он в отместку забрал с собой. И так на холоде, оставаясь вечно юной, молодой и нетронутой жарким огнем и острой вилкой, я так и пребывала в подвешенном состоянии, болтаясь на крюке и отчаянно посматривая по сторонам. Казалось, что мир надо мной буквально издевается. Громко смеется мне прямо в лицо. А я все никак не могла понять соль шуток.

Все следующие полтора года, вплоть до моего восемнадцатилетия и благополучного возвращения домой, я разъезжала по различным королевствам, виделась с разными людьми из королевских семей и... давала советы. Рассказывала, как, по моему мнению, будет правильно устроить некоторые моменты внутренней политики, как разрешить конфликт с соседствующим королевством, как навести порядок в финансовых делах и так далее. Я была буквально ошеломлена. Меня приглашали как *консультанта*, но все беседы проходили в неформальной обстановке, на меня не вешали ровной никакой ответственности, обходились со мной крайне вежливо, по-дружески, а некоторые даже галантно, как будто принимая во внимание, что перед ними все же сидела женщина. И никто не говорил, что я была неправа, не пытался нарочно опровергнуть мою точку зрения, чтобы доказать свое превосходство. Нельзя сказать, что мои идеи сразу же претворяли в жизнь, благо и я из-за свойственной мне природной робости не сразу говорила определенно, а лишь старалась выбрать верное направление для работы... но они как будто и не пытались отчаянно найти для себя единственно верное решение, а словно пытались расширить свой кругозор и мировоззрение через общение с образованным человеком. Может быть, я так думала из-за того, что непосредственно мой кругозор существенно расширялся – ведь для того, чтобы вести диалог предметно и конструктивно, мне необходимо было понять, о чем мы вообще говорим, поэтому я спрашивала, интересовалась, проявляла любопытство буквально во всем. И моим собеседникам это явно нравилось – они активно рассказывали, объясняли, как будто прорывали плотину своего накопившегося опыта. Видимо, им и правда не хватало внимательных слушателей, тех, кому можно рассказать буквально все, кому будет интересно. Этот мир был действительно полон профессионалами, которые отлично разбирались в каком-то своем отдельном участке, но совершенно не интересовались всем остальным. Передо мной же были руководители, администраторы этого мира, многогранные и образованные самой жизнью, те, кто дошли до верхушки власти с помощью острого ума и находчивости. Остальные же покорно занимались своими делами, принося пользу государству, или были попросту мертвы. Другого варианта для мужчины королевского рода жизнь не предполагала.

Я чувствовала, что я была удобна. Я не рвалась к власти, потому что это не имело смысла, ведь я была женщиной. Женщины не могли править. Их бы не принял народ. Меня не надо было подозревать. Не надо было ломать мою волю, подчинять меня себе, ведь я также не пыталась этого сделать. Я очутилась в чудесном мире внесистемности, где ты никому ничего не должен, и ты можешь делать что-то ради удовольствия, не испытывая подспудных мыслей к своему собеседнику.

Но в то же время меня никак не оставляла в покое мысль, зачем я все это делаю. Кто я сейчас такая? Какое мое место в этом мире? Ведь по всем законам я должна была давно выйти

замуж и... что-то делать, что делают обычно жены. Конечно, я спрашивала об этом. И некоторые мне отвечали, настолько прямо и откровенно, как будто у них заранее был записан ответ. Они выглядели как отличники, которые могут все и без шпаргалки. Они знали все наизусть, пусть и в определенных рамках.

И они ответили мне, что мой отец, ясно видя мои умственные дарования, решил провести эксперимент. В его рамках я должна была путешествовать по союзным королевствам, собирать информацию, давать советы и сама активно учиться всему новому. Ведь я была уникальной, поясняли они, ничуть не смущаясь, ведь я была женщиной. Мало кто мог использовать меня в своих целях, ведь если я вернусь домой, то отец специально не будет рассказывать ничего о своих делах. Если я захочу совершить государственный переворот, то сама никогда не смогу взойти на трон. А если я решу протолкнуть какого-то мужчину, то... маловероятно. Слишком сложно.

Поэтому тут возникал довольно безопасный симбиоз – я ничего не знала о делах своего отца, а то, что я узнавала от правителей других королевств, можно было бы использовать в войне против них, если бы королевства находились не так удаленно и если бы мой отец вел хоть какие-то войны. Но все знали, что традиционно мое королевство занималось лишь одним – продажей информации. И сейчас я была одним из экспериментов по продаже этой информации в качестве консультанта, ведь времена постепенно менялись, войн становилось все меньше, люди уставали и хотели жизни попроще. Вот тут-то и надо было спокойно порассуждать на тему экономики, политики и внутреннего благоустройства.

С одной стороны, все было вполне логично, но сама череда событий выбивалась из привычной. Логика вообще малоприменима к жизни, где царит хаос и все еще существует такая вещь, как любовь. Так и здесь – события наслаивались одно на другое, что нельзя было рассмотреть общую картину. Я чувствовала, как постепенно теряю системность, почву под ногами, чувствуя взамен некую эйфорию и эмоциональную обостренность. Но это было неправильно, а из-за мешанины чувств я никак не могла нащупать то, от чего меня старательно отводили. От какой-то явно неприглядной правды.

А также меня почему-то очень смущало то, что я еще не была замужем. С одной стороны, мне бы радоваться и прыгать от счастья, что вся эта затея отодвинулась да еще и под благовидным предлогом! Но эта задержка изрядно действовала мне на нервы, потому что она не разрешала того подвешенного состояния, в котором я находилась. И как бы я ни старалась расслабиться, этого никак не выходило.

Помню, как после одной бессонной ночи, когда я накручивала у себя в голове всякие непристойные сюжеты, правитель, разговаривавший со мной и заметивший мое беспокойное состояние, мягко спросил меня, не хочу ли я любовных ласк. Хоть я и пребывала у него в замке больше трех месяцев, хоть мы и стали друзьями за это время, но я сильно вздрогнула и посмотрела на него волком. То есть я нормально на него смотрела, просто потом он признался, что мой взгляд жадно вгрызался в него, словно он был нежным и крайне вкусным куском мяса.

Я тогда еще сдуру спросила: «С тобой, что ли?». На что он вообще засуетился, весь покраснел и замахал руками, словно ветряная мельница. «Нет-нет, у меня уже есть избранница, не надо!» Он буквально прокричал эту фразу. Потом он слегка успокоился и начал нервно объяснять, что, как он слышал, что он вообще не очень в этом разбирается, но все же, вроде как, да, точно, в общем, женщинам же очень нужен секс, без него они чахнут... разве нет? И когда я спросила его, не касается ли та же самая теория и мужчин, и хотела уже было перейти к мысли об индивидуальном развитии каждого человека, то он оборвал меня на полуслове и сказал, что если что, то он может помочь. Могу найти людей, говорит он, и тут я почувствовала себя неким божком, которому несут бедных мужчин на закланье, и рассмеялась. Обстановка разрядилась, а он извинился за свою бестактность и напоследок покровительственно произнес,

что все это пустое, что такому человеку, как я, нужны чувства и любовь, без этого ничего не получится.

Я слегка нахмурилась из-за последней фразы, потому что при чем тут чувства и любовь, если есть рабочие моменты и правители должны больше думать о судьбе своего государства, чем о каких-то чувствах, но промолчала, опасаясь, что с такими мыслями мы уйдем куда-то не туда.

Но меня явно неправильно понимали – я хотела выйти замуж, чтобы избавиться от подвешенного чувства, чтобы войти уже в эту систему и перестать беспокоиться. Но мир надо мной словно издевался, и пока все остальные девушки выходили замуж не по любви, а потому что так было надо, меня упорно избегали в этом вопросе, как будто боялись. Одну кошмарную ночь я проворочалась в постели, наслаивая мысль за мыслью, что я крайне непривлекательная и странная, что даже за все богатства мира меня никто не возьмет замуж, но на следующее же утро встала и разом выбила такие мысли из головы навсегда. Они явно не приносили мне пользы, не двигали меня вперед, поэтому я продолжила, как ни в чем ни бывало, разъезжать по соседним королевствам, получая огромное удовольствие от общения с умными людьми.

Я даже слегка расслабилась, подумала, что вот оно, мое предназначение, что так и должно быть. Я уже думала наперед – если отец не находит мне мужа, то он об этом и не беспокоится, значит, я тоже могу не беспокоиться. На общественное осуждение я не обращала особого внимания, благо это общество меня редко замечало, а деликатные вопросы можно будет решить с помощью любовника. Если захочется. Что делать с детьми, пока непонятно, но мир стремительно движется вперед, а уж там...

И тут жизнь поняла, что пора вмешаться. Слишком хорошо ты живешь, подумала она. Слишком расслабилась, однако.

И одним прекрасным днем я вернулась домой, в свое королевство. И там я заметила первые признаки для беспокойства – для этого достаточно было взглянуть на лица моих родителей. Более холодных выражений лиц я не видела никогда. Сухим голосом отец и мать, неожиданно объединившись в едином порыве и как будто говорившие в унисон, стали едко спрашивать у меня, хорошо ли я провела время. Интересовались, как чувствует себя человек, который обесчестил своих родителей.

Сначала я ничего не понимала, но через некоторое время на меня словно вылили ушат с холодной водой. Думаю, что тогда я могла только сидеть с раскрытым ртом от изумления и говорить всякие бессвязные вещи.

Оказалось, что никакого эксперимента не было, и что родители отправили меня в другое королевство, чтобы я вышла замуж за принца, с которым разговаривала на протяжении нескольких месяцев. Чтобы очаровала его, проявила свою женственную натуру и стала верной женой. Потом они узнали, что через несколько месяцев ничего не вышло, а принц был так благороден, что отправил меня в другое королевство. И так я путешествовала, не сознавая, что это и было мое свадебное путешествие. А про эксперимент принцы говорили, чтобы не уязвить мое достоинство, они старались вести себя крайне галантно, не выдавая тот факт, что я им не нравилась как женщина. Они дружили со мной, чтобы я не расстроилась.

Обвинения лились рекой и словно проникали мне в самую душу, жгли мое естество. Сердце как будто постоянно щипали, а на глаза наворачивались слезы. Но родители и не собирались сдавать – они устроили мне молчаливый бойкот, а моим братьям, которые находились в замке, запрещалось заговаривать со мной. Слуги старательно избегали меня, я в одночасье стала самым одиноким человеком во всем королевстве.

Помню, как я плакала ночами. Это было несистемно, и из-за этого я плакала только पुще. Я даже не знала, что у меня может быть столько слез.

Так прошло два месяца. За это время я отчаялась, закрылась в себе, а мое сознание стало чистым, как вода в горной речке. Мне было все равно, я чувствовала отрешенность от всего

мира, но в то же время мне доставляло некое извращенное удовольствие смотреть на мир из-за скорлупы отчаяния. Видеть, как люди преследуют свои земные цели, и чувствовать, как я далека от всего этого. Я как будто рассматривала мир с высоты птичьего полета, с интересом пролетая над земным покровом. Я ощутила дрейфующее чувство эйфории, словно очутилась в бессистемном мире – я никому ничего не была должна, мне никто не был должен, и я не чувствовала ответственности, не чувствовала острого жжения, что надо было что-то срочно сделать, что надо куда-то бежать, успеть, достичь. Это было блаженное состояние, и в нем я закрылась от горьких слез и самобичевания.

В глубине души я понимала, что что-то в этой ситуации не так, что нужно разложить события по полочкам, выявить несоответствия, проанализировать... но не могла. Не хотела. Этот анализ вскрыл бы старые душевные раны, которые еще не успели зажить, а я не хотела причинять себе боль. Может быть, потом. А может быть, и нет.

Из моего состояния меня частично вывел отец, который вызвал меня одним вечером и приказал собираться в дальнюю дорогу. Я еду в королевство, говорил он, правитель которого обязан ему. Очень сильно обязан. И принц этого королевства возьмет меня в жены во что бы то ни стало, потому что так прикажет его отец. У него не будет выбора. Но если, сказал он и его голос стал таким холодным и едким, что я поехала, а слезы чуть снова не выступили у меня на глазах... если я опять буду вести себя не как женщина, а как... тут отец процедил сквозь зубы ругательство, которое я не расслышала... то он больше не будет считать меня своим отцом. И после этого он грубо вытолкнул меня из своего кабинета.

В своей комнате я села в свое любимое кресло-качалку и стала постепенно оборачивать себя в скорлупу, мягко убаюкивая себя, не давая слезам выступить на глазах.

Когда я очнулась, то в глаза мне било солнце, согревая меня своим мягким светом, освещая мою жизнь своими золотистыми лучами и подсушивая мои слезы на щеках, которые все же лились нескончаемым потоком, пока я спала.

9

Принц Карлан из королевства Кони существенно отличался от всех персон королевской крови, которых я видела. Широкоплечий, дюжий – он буквально нависал над тобой, источая не совсем приятную смесь запаха из пота, выпивки и животных. Он был похож на бывалого вояку, который сходил с поля брани только для того, чтобы загнать дичь себе на ужин да пропустить через себя парочку пинт в ближайшем трактире. И это при том, что согласно слухам, он никогда не участвовал в военных сражениях, если вообще когда-то покидал свое королевство. В последнем надобности, правда, не было – королевство Кони редко когда проявляло враждебные намерения к окружающему миру, а само было защищено окружающими королевством лесами и болотами. Местность для случайного путника была абсолютно непроходимой.

И если королевство по уровню жизни превосходило мое, то имелась и другая сторона медали – из-за удобного географического положения, умеренного климата и разнообразных даров земли, что предлагала людям природа, эти самые люди немного расслабились. Это еще не было столь заметно, если ты родился и всю жизнь провел в Кони, но для приезжего разница резко бросалась в глаза. По моим прикидкам – еще пару десятилетий такой праздной жизни, и кто-то, находящийся за тем самым кажущимся неприступным лесом, обратит свой кровожадный взор на эту милую, но крайне незащищенную страну. Все лес не горы – его всегда можно вырубить или пройти через него с помощью опытного, но жадного до денег проводника. И атака будет стремительной, неожиданной и беспощадной...

Даже Карлан, будь он в другом королевстве, не смог бы бесконечно проводить время на охоте, в борделях, кабаках и прочих нецивилизованных местах. С одной стороны, он был совершенно безобидным, а с другой – почему бы его не убить, раз он такой безобидный? Логика,

конечно, странная, но какая уж есть. Если ты второй принц в текущей династии и не приносишь ровно никакой пользы королевству, то вывод напрашивается сам собой. Конечно, такое произошло бы не во всех королевствах, сейчас принцами особо не разбрасываются, как раньше, но король точно бы приставил его к какой-нибудь государственной работе. А иначе и быть не может – быть королевским отпрыском для мужчины – это такая же опасная, но крайне интересная работа, что и состоять в браке для женщины. А работа есть работа, тут нужно быть предельно собранным и держать себя в тонусе.

На самом деле к принцу Карлану у меня не возникало брезгливого отношения, мне к тому времени было попросту все равно. Вытолкнет ли он меня из своей опочивальни, прокричав напоследок, чтобы я убиралась домой, сопьется ли окончательно, будет ли изменять мне два дня в неделю или вообще забудет, что я существую... какая, в принципе, разница? Не то, что моя жизнь была обречена или что-то в этом роде, но почему я должна прогибаться под кого-то, когда мне дают лишь кнут да стараются привить мне чувство вины, что я, дескать, не совсем женщина? Я же не мазохистка. Наверное.

Конечно, прохладное отношение к своему потенциальному (я уже перестала говорить слово «будущий», видите?) супругу, не зная, что он из себя представляет и делая выводы по поверхностным признакам, немного нечестно по отношению к нему, но какая разница, опять же? Если он что-то спросит, я отвечу – я же не распушенная провинциалка, чтобы так невежливо игнорировать других людей. Если он что-то попросит сделать, то хорошо, давай рассмотрим варианты. Но скакать вокруг и разбрасывать на пути ошметки колбасы и лепестки роз, чтобы приманить его в постель? Зачем? Мне было это вовсе неинтересно. Если, конечно, поступит конкретное, не расплывчато-игривое предложение сделать что-то да эдакое, то я всегда готова рассмотреть. Могу даже план-график составить и вести табель учета. Все что угодно, лишь бы было оформлено в рациональном ключе.

С такими жесткими мыслями я провела два дня в своей опочивальне, углубившись в чтение книги о развитии культуры в королевстве Кони. Согласно общим выводам автора жители королевства просто обожали охотиться, а также бурно отмечать удачные дни охоты. Различным охотничьим традициям, способам охоты, снаряжению, приметам и прочему была посвящена добрая половина книги.

Вторая же часть была практически вчистую слизана с других книг – тут можно было прочитать заметки о религии, языке, вариантах наследования, но я видела точно такие же статьи и в других работах в различных королевствах, поэтому книгу явно написал местный житель, а вторую половину пришлось раздуть, чтобы раздуть материал. Почему-то начинающие авторы считали, что чем больше весит книга, тем больше уважения испытывают к ней читатели. Я же, в свою очередь, давно заметила, что в некоторых тонких книгах иногда содержится больше мудрости и верных фактов, чем в огромных фолиантах, заполненных, в основном, водой и выдумкой. Но про охоту автор действительно все описал живо, видимо, сам любил этим заниматься.

Тут кто-то постучал в мою дверь.

Я негромко сказала, что можно входить, совершенно не отрывая взгляда от книги. Думала, что это очередная служанка, которая пришла убрать остатки моего завтрака – все эти два дня я практически не выходила из своей комнаты, питаюсь тем, что принесут. Есть я, правда, особо не хотела, но еду приносили исправно, и такое системное отношение к гостям мне нравилось. За годы отсутствия войны некоторые люди здесь развили гостеприимство и доброжелательность. По крайней мере, так казалось с виду.

Конечно, вела я себя не совсем учтиво, ведь при моем текущем положении мне желательно было посещать трапезный зал, знакомиться с новыми людьми, но мне, как я уже говорила, было откровенно все равно. Если бы про меня забыли, то такое положение вещей меня бы донельзя устроило.

Только тут я поняла, что не слышу легких шагов прислуги рядом с собой. В комнату вообще никто не вошел. Я подняла взгляд и увидела огромного мужчину, который своими очертаниями практически заполнил дверной проем. Похоже, это был мой муж. Потенциальный.

Может быть, он пришел поинтересоваться, в чем причина моей лени? И правда, что тут расселась, книжку почитываешь? Давай иди сад вспахивай, декор украшай и детей делай. Ну, или что-то такое, с воображением в этой части у меня всегда было туго. Но, как я уже говорила, на тот момент я выбрала единственную стратегию – делать все по запросу. Не проявлять инициативу. А дальше будь, как будет.

Выйдя из своих слегка саркастических мыслей, я заметила, что мой муж (потенциальный) слегка нервничает. Я решила проявить элементарную вежливость.

– Да? – очень вежливо спросила я.

Да, именно так. И ни слова больше. Ведь он же ко мне пришел, так? И какая разница, что это его дом, а не мой? Я же гостя и вообще...

– Эвелинн, – слегка неуверенно начал он.

Его голос хоть и предполагал быть тихим, но бас раскатился по небольшой комнатке как гром среди ясного неба. Похоже, он был из тех людей, кто не разговаривает, а вещает.

– Да? – снова спросила я, чувствуя себя попугаем.

– Ты, это, сегодня, это... на охоту пойти хочешь? Вместе со мной?

Мои брови слегка поползли вверх от изумления, и я было открыла рот, чтобы ответить, но...

– Не, не, ты не подумай. Ну, прогуляться, понимаешь? Я, это, назвал это охотой, но просто... прогулка? Ну, мы далеко заходить не будем...

Тут он поник, словно его словарный запас не мог во всех красках описать предложенной им дерзкой авантюры. Я сразу поняла, что он имеет в виду простую прогулку по лесу, но в местных краях любой выход в лес был равнозначен охоте. Даже романтические прогулки при свете луны у молодых парочек нередко сопровождалась предсмертным криком раненой птицы, которую молодой охотник убивал единственным метким выстрелом. Этот момент считался идеально подходящим для жаркого поцелуя. Или для чего похлеще, чего уж там, погода же теплая.

Вот что значит быть подготовленным! Прочитаешь книжку-другую и уже чувствуешь себя, как рыба в воде. По крайней мере, как рыба в маленьком бассейне, но начало уже положено, верно?

Я решила не ходить вокруг да около.

– Отчего же? – спросила я несколько надменно. – Можем и поохотиться. Если у тебя есть свободный комплект снаряжения для меня.

Мой надменный голос вкупе с моим гордым видом сыграли с ним злую шутку – он в непонимании уставился на меня. Я рассмеялась в душе – он выглядел так забавно!

– Ты, это... знаешь, как охотиться? – недоверчиво спросил он.

Тут я решила притормозить, а то мало ли куда заведет мое остроумие.

– Я... раньше пробовала этим заниматься, – с некоторой расстановкой начала я.

И это было правдой – в некоторых королевствах мне доводилось сопровождать принцев в процессе охоты. Мне показалось, что в большой группе это было слегка торжественно и скучно, но в определенном свете сама идея охоты меня всегда манила. Мне казалось, что здесь можно было с некоторым успехом использовать стратегическое мышление, но я могла и ошибаться. По крайней мере, я точно знала, что сам процесс охоты целиком зависел от снаряжения, местности и людей, которые тебя окружали.

– Но я не профессионал в этом, – закончила я свою мысль. – Я могу сопровождать тебя на охоте, могу слегка помогать, а в случае необходимости не мешать. Попасть в мелкую дичь из лука я вряд ли смогу, а...

– Ты умеешь стрелять из лука? – изумленно перебил он меня.

– Ну... да. А что? Но я же говорю, что вряд ли смогу попасть в мелкую дичь с первого раза. Но я умею обращаться с луком, кинжалами, могу ездить верхом, могу читать свежие следы некоторых зверей, а также помогать освежевать, принести и приготовить добычу. Но все это в поверхностном плане, по крайней мере, мне все это вполне интересно. А что?

Я заметила, что он уже сам смотрел на меня, как на упитанную дичь, которую ему не терпится подстрелить и освежевать.

– Эй, хватит смотреть на меня так! – я протестующе подняла руку.

Он вздрогнул и слегка встряхнулся, как собака после купания.

– Прости. Я не специально, – он бодрым шагом вошел в комнату и с горящим в глазах энтузиазмом подошел ко мне. – Скажи, а там, откуда ты родом, все такие?

Я вопросительно взглянула на него. Это он так решил поиздеваться?

– Какие такие? – спросила я.

– Ну, которым не противны все эти вещи... ну... ты поняла, да?

– Не противны? Ты имеешь в виду охоту или еще что-то? За всех поручиться не могу, но... постой, почему ты это спрашиваешь? В этом королевстве все девушки воспитываются таким образом, разве нет? Вам же смолоду внушается любовь к охоте, свежему воздуху, заботе о животных...

– Ты откуда это взяла? – спросил он, внезапно сделавшись слишком серьезным.

Он ткнул своим мясистым пальцем в книгу, что лежала у меня на коленях.

– Из книжек всяких? Можно? – и с этими словами он бережно взял у меня с колен книгу о культуре королевства Кони, которую я как раз дочитывала.

Он внезапно удовлетворенно хмыкнул.

– А, знаю эту штуку. Автор другом моим был хорошим. Помешан был на охоте, даже больше меня, – последнюю фразу он произнес таким голосом, которым люди обычно описывают невозможные и сверхъестественные вещи.

Он аккуратно положил книгу на маленький столик, стоящий рядом со мной.

– В общем, не верь этим книжкам, хорошо? И особенно этой, – он еще раз указал на книгу, которую я дочитывала, и заговорщицки подмигнул мне.

Я слегка улыбнулась.

– Хорошо, буду проверять соответствие описанным фактам реальной действительности.

– Э-э, это, ладно, действуй тут, как знаешь, – он почесал своей массивной рукой в затылке.

Видимо, сложносочиненные мысли не по тем вещам, которые ему нравились, не могли найти постоянного и уютного пристанища в его голове. Это было, в принципе, не так уж и плохо – хуже были люди, которые любыми способами пытались доказать, что всякое оброненное тобой слово близко к идиотизму, а правильные мысли всегда должны быть сдержанными, резкими и соответствующими общественным нормам. Такие люди меня откровенно бесили, ведь для общения с ними нужно было прикидываться откровенным дураком, чтобы тебя меньше доставали. Принц Карлан был по сравнению с ними образцовым философом – он мог принимать к сведению исключительно любые мысли, если только собеседник не просил задерживать их у него в голове больше, чем на секунду. Это касалось всего, кроме охоты, конечно. Но у каждого человека свои слабости, верно?

– В общем, – видимо, принц решил подытожить итог нашей с ним беседы. – Давай через пару дней я зайду за тобой, к этому времени как раз подготовят лошадей и подберут тебе подходящую одежду. Ладно?

Я кивнула.

– Хорошо, – и этой простой фразы хватило, чтобы на его косматом лице засияла искренняя улыбка.

Тут он собирался уже уходить, но мне вдруг пришел в голову один вопрос.

– Слушай, – он недоуменно обернулся в мою сторону. – А мы поедем одни?

Он почесал подбородок, размышляя.

– Ну да. Или ты хочешь, чтобы народу было больше? Не бойся, ничего с тобой не случится, я знаю окружающие леса как свои пять пальцев!

– Я и не боюсь. Я тебе доверяю, – последнюю фразу я сказала твердо.

Он смущенно улыбнулся.

– Просто я сама не люблю большие скопления людей, вот и спрашиваю, чтобы морально подготовиться.

Он отмахнулся.

– Не, много народу не надо, они только мешаются. Вдвоем будет идеально. Правда, – тут его лицо приобрело мрачный оттенок. – Я вспомнил, что мой брат, Нарл, хотел поехать с нами. Он сказал, что слегка обиделся, что ты практически не выходишь из своих покоев.

Я возмущенно сдвинула брови.

– А почему бы ему самому ко мне не прийти? Я даже не знаю, кто он такой!

– Да я не знаю, – Карлан досадливо пожал плечами. – Это же ж все политика да этикет придворный. Я в такие вещи не лезу, не разбираюсь, тут уж меня извини. По мне так, делай, что хочешь, – ты же принцесса, сама собой распоряжаешься. Не знаю...

Буквально видно было, как он отмахивается от всех этих мыслей у себя в голове. Наверное, в высшем свете он чувствовал себя крайне неуютно – быстрая лошадь, верная собака и азарт погони явно были ему ближе, чем стягивающий сюртук и окольные витиеватые фразы. Я в первый раз взглянула на него понимающе, сочувственно и даже с симпатией. Видимо, у нас было с ним гораздо больше общего, чем я предполагала вначале. Я, правда, умела носить различные общественные маски, а он этого принять так и не смог.

– Ладно, – бодро сказал он мне, выходя из комнаты и притворяя дверь. – Через пару дней я буду здесь, будь готова. Морально.

На прощание он еще раз подмигнул мне, и дверь закрылась.

Я встала со своего удобного кресла, потянулась и посмотрела в окно. Солнце уже садилось. В голове неожиданно для меня начали прокручиваться различные варианты событий. Я буквально чувствовала, как будто просыпалась после долгого сна, оживала. Скорлупа вокруг меня начала давать осязаемую брешь.

Я сощурилась, припоминая слова принца касательно его брата. Он обижен, видите ли. Я почувствовала, что во мне начинает закипать гнев, чего не было уже несколько месяцев. Я возвращалась к самой себе.

Что ж. Я достала на свет запыленную косметичку. Разложила ее содержимое на прикроватном столике. Позвала служанку и попросила ее наполнить ванную. И решительно посмотрела в зеркало.

Что ж. Пора готовиться к войне. Я засучила рукава и принялась работать над собой, а мой мозг, пробуждаясь, постепенно возвращал воспоминания за последние два года. Нужно было хотя бы приблизительно привести их в порядок, невзирая на душевную боль, потому что со временем они осели бы, растворились и пропали в глубинах подсознания, вызывая лишь горечь, слезы и постепенное уничтожение собственной сущности. Пора было постепенно пробуждаться и начать задавать себе неприятные вопросы. И первый из них уже начинал обретать очертания в голове.

Кто все это время пытался манипулировать мной и с какой целью?

Погружаясь в горячую воду, я раскрыла сознание и слегка прикрыла глаза, уже не сдерживая горячие слезы. Они текли, смешивались с водой, а я в это время спокойно расставляла минувшие события по своим местам.

10

Через несколько дней я уже ехала верхом на прекрасной и послушной гнедой кобыле. Одетая я была в утонченный и крайне удобный охотничий костюм, который обычно носили мужчины. Женщины на охоте во многих королевствах, судя по тому, что я видела, присутствовали редко, а если и выказывали желание поучаствовать, то присоединялись к большим охотничьим группам, наблюдая за постепенно разворачивающимися событиями издалека. Либо сие мероприятие женщинам было просто неинтересно, либо, и к этому мнению я склоняюсь больше, мужчины специально отстраняли женщин от этой забавы, рассказывая ужасные истории, что частенько надо проваляться на мокрой листве несколько часов, ожидая, когда жертва подойдет поближе, или что нередки случаи встречи с волками, медведями и дикими кабанам, часто приводящие к летальным исходам. Понятное дело, что после таких историй никакой нормальный человек не пойдет на охоту, а мужчины получали уникальную возможность отдохнуть от этикета, политики и женского внимания.

Идея облачиться в мужской охотничий костюм принадлежала мне, потому что я давно заметила, что мужские одежды делают таким образом, что они лучше в носке, удобнее, теплее, чем женские. По крайней мере, если смотреть статистически. Почему так происходит, никто не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.